

Цинь Чу, не отрываясь от телефона, сказал:

— Я думал, ты знаешь, что я живу здесь, и поэтому выбрал 1 202. Судя по твоему виду, ты не знал.

...Он и знать не мог.

Если бы он знал, что Цинь Чу живет в 1 202, он бы лучше отрубил себе руку, чем выбрал этот номер!

— Разве ты не живешь у учителя Чжао?

— Иногда живу у нее. В учебное время живу в общежитии. — Цинь Чу положил телефон и взглянул на Лу Туна. — Ты уже устроился?

У Лу Туна был только один чемодан, в котором лежали одежда и несколько книг, достаточно было открыть его и положить вещи в шкаф, особо укладываться не нужно.

Он был шокирован появлением Цинь Чу и только сейчас нашел время осмотреть комнату.

Общежитие международного отделения было оформлено по стандарту двухместного номера в отеле. Посреди комнаты стояли две кровати, у окна был письменный стол, достаточно места для двух человек. Вход в ванную был прямо у двери, а место для телевизора занимала белая стена, на которой висели обои, оставленные предыдущими жильцами.

Шкаф был встроен в стену, их было два.

До приезда Лу Туна Цинь Чу жил один в международном отделении, поэтому его одежда была разбросана по шкафу, занимая почти все пространство.

На столе лежали комиксы Цинь Чу, несколько фигурок Железного человека, и все остальное, что он обычно держал в своей комнате.

Комната не была грязной, но и не была чистой.

Лу Тун открыл чемодан и молча положил свои вещи в шкаф.

Когда он закончил укладываться, Цинь Чу уже слез с кровати и сел за стол.

Лу Тун поставил чемодан слева от шкафа, обернулся, и увидел, что Цинь Чу, закинув ногу на ногу, скучающе смотрит на него.

Воздух был наполнен легким ароматом розового холода, исходящим от Цинь Чу, запах был не сильным, но очень ощутимым. Эти едва уловимые феромоны кружились вокруг Лу Туна.

Лу Тун не мог избежать их и, глядя на Цинь Чу, спросил:

— Кажется, ты хочешь мне что-то сказать.

Цинь Чу:

— Это ты хочешь мне что-то сказать. — Он кивнул. — Ты уже подумал, чем будешь возвращать?

Лу Тун избегал ответа на этот вопрос:

— Сначала одолжи, а потом поговорим.

— Феромоны — это не то, что можно просто так одолжить. — Цинь Чу прикусил язык. — А вдруг ты влюбишься в меня? Мне потом проблемы не нужны.

Лу Тун закатил глаза:

— Это последнее, о чем тебе стоит беспокоиться.

— Нет. — Цинь Чу вдруг выпрямился. — Чтобы предотвратить твою влюбленность в меня во время использования моих феромонов, мы должны заключить договор из трех пунктов.

...Если бы не необходимость одолжить феромоны, чтобы не умереть раньше времени и выполнить следующую задачу перерождения, Лу Тун, как человек, который дорожит своей гордостью, никогда бы не пошел на такой компромисс перед Цинь Чу.

Он посмотрел на Цинь Чу, который выглядел весьма довольным собой, словно на его лице было написано: «Дайте мне немного цвета, и я устрою целую фабрику».

Щенок.

Лу Тун мысленно повторил: «Настоящий щенок».

— Что ты хочешь включить в этот договор?

Он внутренне думал: «Откуда у него такая уверенность, что я влюблюсь в него? Я бы скорее полюбил дубинку, чем его».

Цинь Чу как раз ждал этих слов, он начал рыться в столе, вытащил пачку распечатанных листов. На первый взгляд, пачка была довольно толстой, Лу Тун, увидев ее, слегка удивился.

— Это твои учебные материалы? — Он невольно спросил.

Очевидно, слово «учеба» никак не ассоциировалось с Цинь Чу.

Цинь Чу бросил пачку бумаг Лу Туну, на первой странице которой крупными буквами было написано: «Договор из трех пунктов».

Лу Тун пролистал ее и усмехнулся:

— Это твой «договор из трех пунктов»? Мне кажется, тут больше трех пунктов.

Цинь Чу бесстыдно ответил:

— Три пункта — это просто условность, на самом деле их много, разве ты не понял?

Лу Тун усмехнулся:

— Это договор? Такая толстая пачка, ты что, писал «Обращение к тайваньским соотечественникам»?

Цинь Чу спросил:

— А что это?

...Ладно.

Не стоило ожидать, что он вообще читал учебники по истории.

«Обращение к тайваньским соотечественникам», написанное Цинь Чу, было гораздо толще оригинала, и его содержание было направлено не на тайваньских соотечественников, а на Лу Туна.

Пролистав несколько страниц, Лу Тун мысленно прокомментировал: «Псих. Если бы он потратил столько времени на учебу, он бы давно поступил в Пекинский университет или Цинхуа».

Первым пунктом в «книге» было предупреждение Лу Туну не влюбляться в него из-за его феромонов.

Остальная часть была заполнена требованиями к Лу Туну, мелочами, сравнимыми с древними «тремя послушаниями и четырьмя добродетелями».

Лу Тун бегло просмотрел и положил пачку на стол.

Цинь Чу с интересом спросил:

— Ну как, прочитал?

— Как думаешь? — Лу Тун холодно взглянул на него. — Ты просто бездельничаешь.

Цинь Чу написал этот «договор» просто чтобы позлить Лу Туна, и не ожидал, что тот действительно прочитает его.

Эта и так небольшая комната стала еще теснее после появления Лу Туна.

Он, похоже, решил четко разделить границы между ними, будь то кровать или стол, их личные вещи были разделены, словно между ними была невидимая линия.

После «договора» Цинь Чу, который не имел никакой логики, Лу Тун в комнате устроил «одну комнату — две системы»: его сторона была чистой и аккуратной, а сторона Цинь Чу оставалась беспорядочной.

Цинь Чу, сидя в комнате без дела, наблюдал, как Лу Тун заправляет кровать.

Он думал, что тот не умеет справляться с бытовыми делами, но оказалось, что этот «цветок на высокой горе» довольно ловко справлялся с кроватью, даже проявляя что-то вроде домашней хозяйственности.

Мысль о «домашней хозяйственности» поразила самого Цинь Чу, он встряхнул головой, отгоняя эту идею. Но она, словно укоренилась в его мозгу, и его взгляд снова упал на талию Лу Туна.

«Зачем?» — подумал он. — «Мужчина с такой тонкой талией».

Цинь Чу, как экспериментатор, мысленно прикинул, что, кажется, его рука может обхватить ее.

Днем он случайно задел Лу Туна, и к вечеру, когда они пошли на вечерние занятия, они

больше не разговаривали.

Лу Тун взял несколько пробных тестов и отправился в класс, Хэ Нянь уже ждал его.

— Слышал, ты переехал в общежитие?

— Откуда ты узнал? — Лу Тун сел на свое место и открыл книгу.

— На школьном форуме. Днем кто-то видел, как ты с чемоданом шел в международное отделение. С кем ты живешь? — Хэ Нянь удивился, он был одним из немногих, кто знал, что Лу Тун — омега, но сам Лу Тун не афишировал это, и Хэ Нянь молчал.

Лу Тун, вспомнив о Цинь Чу, промолчал:

— Зачем тебе знать. Вечером нужно будет переставлять столы.

Завтра, в понедельник, начинаются экзамены.

Накануне экзаменов каждый класс переставлял парты по школьному стандарту и убирал класс, обычно это занимало целый урок.

В это свободное время учителя только следили за уборкой, а некоторые ученики использовали его для свиданий.

Ведь ночью, в огромной Первой провинциальной школе, было много мест, куда камеры не доходили, идеальных для романтики.

Однако во второй половине вечернего занятия начался дождь.

Свет ламп в классе утомлял глаза, Лу Тун провел весь урок, решая задачи, одновременно терпя постоянные сообщения от Цинь Чу, который мастерски отправлял ему десятки сообщений, ни на одно из которых он не ответил.

Он устало потрогал заднюю часть шеи, чувствуя небольшой дискомфорт.

На самом деле, это началось еще вчера в больнице.

Хэ Нянь смотрел в темное окно, через окно лабораторного корпуса видно было здание D, стоящее напротив.

На улице лил дождь, капли дождя, подгоняемые ветром, бились в стекло, создавая треск, и здание D казалось, будто находилось в пещере водопада.

Кроме Хэ Няня, который не хотел делать домашнее задание и смотрел на здание D, в классе еще несколько девочек скучающе наблюдали за ним.

Лу Тун знал, на кого они смотрят — Цинь Чу был на четвертом этаже напротив.